

Маркова, Е.М. Фразеологизмы с компонентом-колоративом в славянских языках в аспекте отражения их лингвокультурной специфики // Фразеология в многоязычном обществе. *Phraseology in Multilingual Society*. Сборник трудов Международной Фразеологической конференции «Europhraz». В 2-х т. – Казань: «ХЭТЕР», 2013. Т.1. С. 281-288.

Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. 208 с.

Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. 480 с.

Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур: Учеб. пособие. – М.: Слово / Slovo, 2008. 344 с.

Фразеологический словарь китайского языка. – Москва, 2009.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. И.В. Федосова. – М.: ЮНВЕС, 2003. 608 с.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А.Н. Тихонова // Сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А. В. Королькова. – М.: Флинта; Наука, 2004. 832 с.

Словарь идиом Синьхуа. Пекин: Изд-во коммерческой печати, 2002.

Яранцев, Р.И. Словарь-справочник по русской фразеологии. – М.: Русский язык, 1985. 304 с.

Summary. The article is devoted to the topical issues related to representation of a color phenomenon in the linguistic worldview. The author conducts a comparative study of the semantics of color terms “white” and “black” as a part of Russian and Chinese idioms, explores their ethnic and cultural specifics, reflected in the meanings of phraseological units.

Key words: comparative analysis, phraseology, semantics, color terms, linguistic worldview, Russian and Chinese.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ВРЕМЕНИ (на материале английского, французского и русского языков)

С.А. Моисеева, Е.А. Ухналёва

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
moisseeva@bsu.edu.ru

Время – одна из форм существования объективного мира, базовый компонент жизни и сознания человека, универсальная категория внеязыковой действительности, она, являясь одним из основополагающих атрибутов человеческого существования, не подвержена внешним изменениям. Проблемы, с ней связанные, полимодальны, многоаспектны и разноуровневые, они имеют различные направления, характер и объем. Исследование времени является актуальным и широко распространенным в современных научных трудах. Осмысление категории времени приводит к осознанию человеческого бытия в целом, носит важный мировоззренческий характер, так как отражает способ восприятия определенным этносом картины современного мировидения. А.Я. Гуревич утверждает, что время принадлежит к определяющим ка-

тегориям человеческого сознания. Такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому – универсальны в каждой культуре. Они связаны между собой, образуя своего рода модель мира – ту сетку координат, при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании. Человек не рождается с чувством времени, его временные понятия всегда определены той культурой, к которой он принадлежит (Гуревич 1990: 65).

Знания, сопряженные со временем, относятся к эмпирическому уровню реальности, доступной представителям разных этносов, соответственно время представляет собой лингвокультурную универсалию, которая обладает специфическими чертами. Под языковыми универсалиями принято понимать закономерности, общие для всех языков или для их абсолютного большинства. Исследование языковых универсалий определяет границы языкового пространства, то есть те ограничения, которые накладываются на естественный язык и за рамки которых, в частности, он не может выйти при разного рода изменениях (БЭСЯ 1998: 535). Как указывает Н.Ф. Алефиренко, наличие лингвокультурных универсалий обусловлено общечеловеческим характером нашего мышления, общим поступательным развитием человеческой культуры и цивилизации, всеобщностью бытия и познания и, соответственно, их универсальными законам и категориями. Лингвокультурная же специфика является результатом своеобразного языкового кодирования объектов окружающего мира (Алефиренко 2005: 174). Изучение межъязыковых различий и национальной специфики не может осуществляться без изучения и описания языковых универсалий. Лингвистические универсалии присущи всем уровням языка, но наименее исследованы на лексико-семантическом уровне.

Лингвокультурология – одно из ведущих направлений современных лингвистических исследований, изучает взаимодействие языка и культуры, которое проявляется в виде синергетического кодирования культурно-исторического опыта системой языка и системой мышления.

В лингвокультурологии ведется неустанный поиск «ключевых слов», означающих константы этноязыкового сознания – инвариантные концепты той или иной культуры (ее самобытное ядро). К таким культурным константам относится *время* (Алефиренко 2010: 102).

Время – универсальная межкультурная единица, которая, отражаясь в языке, даёт ключ к дешифровке национально-культурной специфики того или иного этноса, создаёт представление о его картине мира.

Термин картина мира относится к числу базовых понятий. По определению В.А. Масловой, «языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное

поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» (Маслова 2003: 7). Одним из важных проблем в исследовании темпоральной картины мира является вопрос о связи времени и человека. На первый взгляд эти два понятия не зависимы друг от друга. Отношение человека ко времени всегда остаются пристрастным, эмоциональным и пристальным, так как именно времени подвластна наша жизнь.

Лингвокультурологические особенности вербализации времени проявляются на всех уровнях языковой системы. Лингвистической формой реализации семантического поля темпоральности являются видовременные формы глагола, выражающие предикативные связи; морфемные средства; лексические средства; фразеологические единицы. Время, выражаемое видовременными формами глагола, позволяет зафиксировать момент совершения действия относительно момента речи. Подобная трактовка категории времени традиционна для лингвистики, и долгое время оставалась единственно возможной, но с развитием лингвокогнитологии, сформировался другой подход к её исследованию.

Именные и наречные обстоятельственные формы детерминируют общую темпоральность высказывания, внося в неё дополнительные временные оттенки значения: при совпадении времени референции и времени события, одинаково соотносённых с моментом речи, они могут конкретизировать значение глагольной формы. Лексические средства, выполняющие роль темпорального модификатора, в некоторых высказываниях вытесняют грамматические средства на периферию. Актуализации временных отношений в языке включает: темпоральные наречия и прилагательные. Наиболее распространёнными средствами вербализации времени являются наречия, прилагательные и адвербиальные словосочетания с темпоральной семой. Н.А. Потаенко условно разделил их на 4 типа.

Время события: *англ. now, lately, recent; фр. maintenant, dernièrement, récemment; русск. сейчас, позже, недавно.*

Длительность события: *англ. brief; фр. bref, court; русск. короткий, недолгий.*

Скорость течения события: *англ. fast, quickly, rapidly, with speedvite; фр. rapidement, promptement; русск. быстро.*

Частота события: *англ. often, seldom, rarely, from time to time; фр. souvent, fréquemment, rarement, de temps en temps; русск. часто, редко, время от времени (Потаенко 1997: 115-116).*

Вышеперечисленные дейктические типы относительноны во вне-научной картине мира, так как не имеют эталона измерения длительности / скорости и частоты события. Их темпоральные качества конвенциональны. При употреблении данных выражений в научном дис-

курсе необходимо их фактическое подкрепление, конкретизация контекстом. Например: часто – 10 раз в день, завтра – 7 июня 2015 года, долго – в течение 6 часов.

К лексическим способам реализации темпоральности относятся и *именные группы*. Грамматические глагольные и неграмматические именные показатели времени устроены с точки зрения семантики одинаково: они ориентируют семантический предикат относительно точки отсчета. Например, прошедшее время глагола и слово «бывший» свидетельствуют о том, что событие предшествовало точке отсчета. Слова, свидетельствующие о временном смещении, М.А. Кронгауз называет *временными модификаторами* (Кронгауз 2003: 278). Выражаясь прилагательными, они могут являться точкой отсчёта: *англ. present, this, actual, today's; фр. actuel; русск. нынешний*, либо указывать на смещение событий относительно точки отсчёта: *англ. former, late; фр. ancien, ci-devant; русск. бывший*.

По словам Н.Д. Арутюновой, «время проявляет себя через материальное наполнение мира, без которого оно не могло бы войти в поле наблюдения. Поэтому темпоральные компоненты присущи не только обозначениям действий и состояний, но также семантике многих предметов» (Арутюнова 1997: 9). Особую роль в формировании семантического поля темпоральности и вербализации времени в языке играют существительные с временным денотатом, которые включают единицы измерения (*англ. hour; фр. heure; русск. час*) и предметы исчисления времени (*англ. clock, watch; фр. montre, horloge, pendule; русск. часы*).

Часы (как предмет исчисления времени) в английском языке представлены двумя лексемами с соответствующими семантическими различиями: *clock* (*часы настенные, настольные, башенные*), *watch* (*часы карманные, наручные*). Во французском языке было найдено три лексемы: *pendule* (*часы стенные, настольные*), *horloge* (*часы башенные*), *montre* (*часы карманные, ручные*). В русском языке для обозначения всех типов часовых механизмов используется лексема *часы*, но в языке существуют и устаревшие лексемы: *куранты* – (от фр. *couquant* – текущий, бегущий), старинное название башенных или больших комнатных часов с музыкальным механизмом; *ходики* – стенные часы упрощенного устройства с гирями.

Как мы видим, западноевропейская модель более чётко детерминирована, чем русская, что связано, во-первых, с географической компактностью внутри одного часового пояса, во-вторых, с определенными границами частей суток по часам, а в-третьих – с жестким расписанием приема пищи (Тер-Минасова 2007: 193). Анализируя приведенные примеры, мы приходим к выводу, что во французской и английской лингвокультурах проявляется особое отношение к показаниям часов и ко времени в целом, в отличие от русской лингвокультуры, где «деление на части суток – не фиксированное по часам,

как в некоторых западных культурах, а примерное, приблизительное, меняющееся в зависимости от времени года и солнечного времени. Сами части суток имеют неотчетливые границы, восприятие их достаточно субъективно: у меня еще утро, у соседа уже день» (Тер-Минасова 2007: 193). Н.Д. Арутюнова отмечала что «у человека нет органа, специализированного на восприятии времени, но у человека есть чувство времени. Оно порождено восприятием изменений в мире. Его основной источник – космическое время – смена времен дня и сезонов года. Чувство, рожденное временными циклами, человек перенес на линию времени» (Арутюнова 1997: 687).

Номинации семантического поля *суточный цикл* относятся к ядру темпоральной семантики. Основными элементами семантического поля *сутки* выступают: *утро-день-вечер-ночь* (в строгой иерархии, согласно движению солнца). Отметим, что четырёхчленное деление суток на периоды свойственно индоевропейскому современному представлению. Суточный цикл в языковой картине мира английского, французского и русского языков имеет формально сходную структуру и включает соотносимые понятия: *англ. morning, early in the day* 'рано утром', *фр. matin, русск. утро*; *англ. noon, midday, фр. midi, русск. полдень*; *англ. afternoon, day, фр. jour, русск. день*; *англ. evening, late in the day* 'в конце дня, ближе к вечеру', *фр. soir, русск. вечер*; *англ. midnight, фр. minuit, русск. полночь*; *англ. night, фр. nuit, русск. ночь*, однако, соотношение вечера и ночи в разных языках понимается по-разному: «в целом можно сказать, что первая часть «ночи» – «вечер» – предназначена для развлечений, а вторая часть – собственно «ночь» – для сна». А.Д. Шмелёв указывает на то, что эквивалентность названий частей суток в разных языках оказывается в значительной степени мнимой, поскольку в основу членения суток на периоды для русского языка кладутся другие принципы, нежели для языков Западной Европы. При этом указанные различия могут быть связаны с различным представлением, согласно которому русские обращаются со временем более вольно, нежели жители Западной Европы (Шмелев 2002: 332, 334). Исследуемые языки, входящие в индоевропейскую семью (русский, английский, французский), на общей по происхождению лексической базе сформировали разные картины суточного времени, включающие различное количество периодов.

К морфемным средствам реализации темпоральности относятся, прежде всего, темпоральные префиксы, широко описанные в классической лингвистике, такие как: *ex-, post-, pre-, after, ante-* и др. Они не существуют самостоятельно, а присоединяются к основам, вербализующим концепт *событие на исторической либо личностной шкале временной ориентации* (Потаенко 1997: 115).

Концепт *событие на исторической шкале временной ориентации*:

Английский	Французский	Русский
<i>post-industrial, post-war, pre-Marxist, after-October, antenatal</i>	<i>post-natal, post-industriel, anténatal</i>	<i>постиндустриальный, постмарксистский, постимпериализм</i>

Концепт *событие* на личностной шкале временной ориентации:

Английский	Французский	Русский
<i>ex-president, ex-convict, ex-wife, post-humous, pre-maturely</i>	<i>ex-conjoint, ex-époux, ex-combattant</i>	<i>экс-чемпион, экс-президент, экс-супруг, экс-коллега</i>

Примеры показывают, что префиксы *post-* и *ex-* наиболее широко интегрировали в общепотребительную лексику исследуемых языков. Они служат формированию лексических единиц со значением прошедшего времени.

Темпоральные суффиксы также реализуют временные отношения в языке. В английских наречиях временной характер задаёт суффикс: *-ly*. Например: *quickly, lately, rapidly, rarely*. Большинство французских темпоральных наречий образованно с помощью суффикса *-ment*. Многие из них имеют синонимичные адвербиальные выражения, которые отличаются формой: *dernièrement (в последнее время) – ces derniers temps, récemment (недавно) – depuis peu, annuellement (ежегодно) – chaque année* др. Отметим, что в русском языке, формирующим темпоральным суффиксом, выступает суффикс *-о*. Например: *немедленно, быстро, долго, недавно, часто, редко*.

С точки зрения языковой структуры морфемные средства, а именно темпоральные суффиксы и аффиксы, играют особую роль в вербальной реализации картины времени и представляют собой универсальными маркерами явления темпоральности для разноструктурных языков.

Фразеологические единицы с темпоральным значением являются одним из способов вербализации концепта время и показателями временных отношений в любом языке. Как утверждает Н.Ф. Алефиренко, «освоение окружающей реальности производится специфическим, присущим для данной национально-культурной общности способом, что не может не отразиться на фраземике того или иного языка. Ученый отождествляет понятие фразеологической единицы и фраземы, определяя фразему как «устойчивое сочетание слов с целостным и переносно-образным значением, непосредственно не вытекающим из суммы значений его лексических компонентов (Алефиренко 2009: 177).

Лингвокультурологическое исследование фразем позволяет освоить их этнически обусловленную национально-культурную специфику, выявить особенности взаимодействия определенного языка и культуры. О.В. Куманок отмечает: «Фразеологические единицы любого языка являются своеобразными и наиболее емкими трансляторами этнокультуры, поскольку в связи с преобладанием в них коннотатив-

ного значения (мотивации, эмотивности и оценочности), они отражают «пристрастное» восприятие наиболее значимых объектов действительности» (Куманок 2008: 343).

Фраземы, передающие временные отношения в языке, не имеющие в своем составе темпорального денотата, реализуют темпоральность за счет употребления в переносном значении:

in the blink of an eye
in the twinkling of an eye
d'un coup d'œil
en un clin d'œil
в мгновение ока

Данные фраземы отмечают отрезок времени, в который можно лишь один раз моргнуть, мигнуть глазом, отражая, таким образом, быстротечность событий. Совпадающая лексическая форма анализируемых единиц указывает на наличие лингвокультурологических универсалий в рассматриваемых языках. В лингвокультурологии анализируемых языков существуют идиозтнические устойчивые выражения, которые кардинально отличаются друг от друга лексическим наполнением, но совпадают в своём значении. Так, английская фраза *before you can say Jack Robinson* 'прежде, чем успеешь сказать Джек Робинсон' имеет яркую национальную специфику. Её этимологические истоки неизвестны. Первое употребление было отмечено в конце XVIII века, в произведениях английской писательницы Фани Берни.

В английской лингвокультуре были найдены такие фраземы как: *once in a blue moon* 'когда голубая луна', *when pigs fly* 'когда свиньи полетят'; во французской – *tous les trente-six du mois* 'все 36 дней месяца', в русской: *когда рак на горе свистнет, после дождичка в четверг, к морковкину заговенью*. Каждая из приведенных фразем отражает национально-культурные особенности языка. Так, английское устойчивое выражение *once in a blue moon* обозначает довольно редкое событие, наблюдаемое в среднем каждые 2 года 7 месяцев, которое отмечает появление у Луны голубого оттенка, обусловленного оптическим эффектом. Данное явление наблюдается в разных странах, но получило воплощение только во фраземике английского языка, что, несомненно, является лингвокультурной спецификой. Приведенные примеры указывают, что фраземика – «это величайшая сокровищница и непреходящая ценность любого языка в которой хранится многовековой опыт трудовой и духовной деятельности народа, его история, нравственные ценности, религиозные воззрения и верования» (Алефиренко 2009: 177).

Итак, как показывает анализ нашего материала, образ времени, сложившийся у представителей различных этносов, принадлежит к определяющим категориям человеческого сознания. Он сочетает в себе универсальные понятия, которые перекликаются в каждой культу-

ре, но в то же время, каждая культура дополняет этот образ своими неповторимыми особенностями. Несмотря на универсальный характер человеческого мышления, освоение окружающей реальности происходит специфическим, присущим для данной национально-культурной общности способом. Таким образом, национальная специфика вербализации явлений и предметов действительности обусловлена принадлежностью к определенному этносу.

На наш взгляд, лингвокультурная специфика и лингвокультурные универсалии находятся в комплементарных отношениях друг к другу. Отражаясь в языковой системе, они помогают построить определенную языковую картину мира.

Литература

Алефиренко, Н.Ф., Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2005. 416 с.

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. 271 с.

Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семенов. – М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.

Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. 224 с.

Арутюнова, Н.Д. Время: модели и метафоры. Язык и время. – М.: Индрик. 1997. С. 687–695.

Гуревич, А.Я. Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры. – М. 1990. 256 с.

Кронгауз, М.А.. Структура времени и значение слов. Логический анализ языка. Избранное. – М.: Индрик. 2003. С. 276–281.

Куманок, О. В. Особенности вербализации концепта «время» фразеологическими единицами в поэтических произведениях А. Ахматовой и Н. Гумилева / Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д. ф.н., проф. А. М. Мелерович. – Москва-Кострома, 2008. С. 342-345.

Маслова, В.А. Универсальное и национальное в языковой картине мира. Русский язык в центре Европы, 2003. С. 6–11.

Потаенко, Н.А. Время в языке (опыт комплексного описания). Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик. 1997. С. 111–121.

Тер-Минасова, С.Г. Война и мир языков и культур : вопросы теории и практики : учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 286 с.

Шмелев, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелев. М. : Яз. славян, культуры, 2002. 492 с

Большой энциклопедический словарь. Языкознание. Гл. ред. Ярцева В.Н. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

Summary. The article considers the linguo-cultural peculiarities of verbalization of such linguistic universal as “Time”. “Time” is an invariant concept, the key constant, which allows to find the key to the decipherment of national cultural worldview. The article analyzes and compares the Russian and Western European model of the concept “Time”, which is verbalized by means of all language levels.

Key words: key concept, time, language universals, linguo-cultural specificity, worldview.